

Никонов В.А. От Концерта держав к Концерту цивилизаций

Журнал «Стратегия России», № 11, 2012 год

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич

Первый заместитель председателя комитета
Государственной Думы по международным делам,
декан факультета государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова,
председатель правления фонда «Русский мир»,
доктор исторических наук

На протяжении последних месяцев появилось огромное количество публикаций на тему распада БРИКС, кризиса, заката... Рассуждали, например, кого «выгонят» из БРИКС, и так далее. Такое ощущение, что БРИКС вступает в кризисный этап. Я думаю, путаница во многом происходит из-за того, что БРИКС, как концепция «Goldman Sachs», и БРИКС, как организация, очень многими воспринимается в качестве одного и того же. На самом деле это далеко не так.

Когда Рубини говорит, что надо исключить Россию, когда О'Нил пишет, что Южная Африка не отвечает никаким критериям членства, то речь идет, конечно, о БРИК как некоем финансовом продукте, который предлагала компания «Goldman Sachs». Это был некий индекс, набор акций, который предназначался для инвесторов. И в этом качестве, конечно, могут разные эксперты судить, кого можно включить в этот индекс и кого нельзя включить.

С другой стороны, есть БРИКС — организация, где критерии совершенно другие, куда входят те, кто считает нужным войти, и кто туда принят. И с этой точки зрения никакого кризиса БРИКС, безусловно, не существует. Если бы мы действительно следовали критериям членства в БРИКС, которые, например, установил тот же О'Нил, то сегодня этим критериям соответствует только Китай, имеющий больше 5 процентов в мировом ВВП. Все остальные страны еще только к этому стремятся. Что же касается БРИКС как организации, то она, наоборот, на мой взгляд, укрепляется. И делийский План действий это хорошо подтверждает. Он установил наличие 14 форматов взаимодействия плюс наметил несколько новых. Это многостороннее энергетическое сотрудничество, разработка общенаучной оценки долгосрочной стратегии БРИКС, диалог о молодежной политике и сотрудничество по вопросам, связанным с

населением. Кроме того, БРИКС все активнее заявляет о себе как об экономическом игроке, и на протяжении последних лет торговля внутри БРИКС росла на 28 процентов в год и уже достигла 230 миллиардов долларов. БРИКС — это действительно серьезная институционализированная структура, которой в общем-то грозит в большей степени расширение, нежели исключение кого-то из нее.

Тема заката БРИКС основывается на динамике темпов экономического роста. Действительно, темпы роста четырех стран несколько замедляются, и по прогнозу МВФ в этом году составят 6,1 процента. Прибыль компаний БРИКС разочаровывает международных инвесторов. Китайский экспорт сокращается из-за кризиса в Европе. Индия радикально повысила процентные ставки, чтобы притормозить рост цен, который ускорился из-за обесценившейся рупии, оттока инвестиций. Бегство капитала, бегство инвестиций — это общая проблема для всех без исключения стран БРИКС. В прошлом году он был рекордным за десять лет — 15 миллиардов долларов, или 22 процента всех вложений. Индекс MSCI EM BRIC упал за прошлый год на 24 процента. Замедление очевидно. Но, опять же, замедление по сравнению с чем? Если брать предыдущее десятилетие, то это был период экономического чуда БРИКС. Если в 2001 году общий ВВП стран-участниц составлял порядка 3 миллионов долларов, то сейчас — 13,3 триллиона долларов. Это более чем четырехкратный рост. Как посчитал тот же О'Нил, страны БРИКС за последнее десятилетие своим приростом создали либо одну Японию и одну Германию (мировые экономики), либо пять Великобританий — с точки зрения именно экономического подъема.

Прогноз экономического роста на этот год мы видим средний — 6,1 процента, но это средняя температура по больнице, потому что показатель складывается из 7,8 процента роста в Индии, такого же планируемого роста в Китае и 1,5 процента в Бразилии. Однако и это гораздо выше, чем у большинства развитых стран. Смотрим последние прогнозы этого года: США — плюс 2,1 процента, Япония — 2,3, Великобритания — минус 0,3 процента, Германия — плюс 0,8 процента, Франция — плюс 0,1, Италия — минус 2,2 процента, Испания — минус 1,7, Голландия — минус 0,7, Греция — минус 6,1 процента.

Происходят важнейшие изменения в мировой экономике. Основной ее переменной на протяжении последних десятилетий был такой фактор, как потребление американских домохозяйств, на которые приходилось 18 процентов мирового ВВП. Собственно, от этого и зависел весь мировой экономический кризис. Сейчас страны БРИКС быстро догоняют развитые страны именно как потребители, что меняет всю картину. В позапрошлом году это была половина от американского потребления, в этом году уже больше половины. И ожидается, что к концу десятилетия страны БРИКС

начнут потреблять столько же, сколько и американские домохозяйства. Это будет фундаментальное изменение мировой экономики. Можно много приводить цифр, но когда мы говорим о БРИКС, мы не можем не вспомнить Джима О'Нила. Он недавно сказал: «Должно быть понятно, что я больше не рассматриваю БРИК как развивающиеся рынки, они уже стали фундаментальной частью современного мира. Если кто-то говорит, что хочет инвестировать в БРИК, потому что хочет инвестировать в развивающиеся рынки, я прошу их покинуть комнату. И иногда они даже не понимают, что я шучу. БРИК нельзя назвать развивающимися в том же смысле, как Украину или Венесуэлу».

Мой четвертый тезис: в интересах Запада заметить БРИКС. В последние годы во многих выходящих на Западе книгах о геостратегии можно вообще не обнаружить термин «БРИКС» или «БРИК». Там привыкли закрывать на это глаза, и если упоминается БРИК, то в таких контекстах: реакционном — это нежелательный противовес Западу, это невозможно, потому что страны слишком разные, и это страны, которые переживают огромные проблемы. Чарльз Капчин в недавно вышедшей книжке пишет, что саммиты БРИКС — это институты, альтернативные тем, в которых доминирует Запад. Джозеф Най в недавней книге «The Future of Power» утверждает: «Хотя встречи БРИК могут быть полезны с точки зрения краткосрочной дипломатической тактики, этот формат включает страны, которые имеют глубокие различия. А соединение России, бывшей сверхдержавы, с тремя развивающимися экономиками имеет мало смысла. Из всех четырех у России самое маленькое и наиболее образованное население, наибольший доход на душу населения, но (и это более важно) многие наблюдатели считают, что Россия падает, тогда как остальные растут по ресурсам сил».

Вот это игнорирование БРИКС, я думаю, никому не нужно. Запад не меньше, чем страны БРИКС, заинтересован в том, чтобы они оставались мотором мирового экономического роста. Потому что это, если хотите, самый большой шанс на выход из кризиса европейской экономики и на повышение темпов роста американской экономики. Ведь никто не проиграл, когда Джордж Буш-старший в конце 2008 года предложил изменить формат «Большой двадцатки», повысить его статус, и фактически включил БРИКС в глобальный центр принятия решений. Диалог БРИКС — «семерка» — при всех ограничениях, тем не менее, позволил принять многие важные решения в рамках «Большой двадцатки». В Европе восприятие БРИКС тоже достаточно негативное, но совершенно ясно, что Европа должна быть заинтересована в максимальном укреплении БРИКС, в серьезном сотрудничестве. О'Нил отмечал: «БРИК может быть полезен для Европы. Это важная задача для европейских лидеров и мыслителей: объяснить гражданам Европы, что они, как потребители, должны приветствовать конкуренцию экономик

БРИК. Это будет означать более дешевые потребительские товары, что позволит бюджетам европейских домохозяйств распределяться более эффективно и поднять потребление».

Пятый тезис. В интересах БРИКС напоминать о себе Западу. Сейчас один из наших центральных интересов — реформирование международной валютно-финансовой системы, прежде всего Международного валютного фонда. Мы говорили там о пропорциональном распределении квот — либо доля стран в ВВП, либо вклады в МВФ. Недавно Сергей Гуриев из МЭШ, на мой взгляд, очень правильно сказал: «Контрольные права в МВФ по определению всегда остаются в руках нетто-кредиторов. Разница в том, что теперь нетто-кредиторы — это поднимающиеся рынки, особенно БРИКС. Поднимающиеся рынки должны не просто получить голоса пропорционально своему весу в глобальной экономике, они должны получить еще больше голосов, потому что если БРИКС не смогут контролировать, как расходуются фонды, они могут просто отказаться увеличивать финансирование МВФ в будущем».

Основой для глобального восхождения БРИКС стала растущая мощь государств-участников, помноженная на их богатый потенциал. Это явилось предпосылкой для формирования беспрецедентной в истории человечества парадигмы мягкого восхождения, которая больше не связана с насилием, войнами и гегемонистскими устремлениями новых претендентов на мировое влияние. Эта концепция мягкого восхождения, я думаю, имеет право на существование и развитие, и мы вполне ее можем предложить в качестве интеллектуального вклада российского академического сообщества.

Мы уверены, при сохранении твердой политической воли государств-участников, углублении взаимодействия БРИКС может стать в перспективе одним из центральных элементов новой системы глобального управления и регулирования. Остается актуальной постановка вопроса о том, чтобы через Организацию Объединенных Наций по инициативе БРИКС вносить инициативы, требующие многосторонних подходов и правового регулирования. Страны, входящие в БРИКС, принадлежат к различным цивилизациям, они подтверждают свою приверженность к полицентричному мультицивилизационному характеру международной системы, которая учитывает интересы всех участников международного общения через укрепление позиций БРИКС.

В последнее время много говорят о том, что БРИКС может рассматриваться как ядро будущего Концерта держав, своего рода нового Концерта, аналогичного тому, который мы знаем по европейской истории XIX века. Кстати, тот Концерт обеспечил Европе самое мирное столетие за всю ее историю. Идея Концерта в принципе интересна, но в данном

контексте, наверное, можно говорить не столько о Концерте держав, сколько о Концерте цивилизаций. Потому что каждая из стран, входящих в БРИКС, является центром своего цивилизационного сообщества, и мы говорим о пяти цивилизациях, которые могут вполне конкурентоспособно вступать в диалог с любыми другими цивилизациями. А таких других, по существу, остается только две: западная цивилизация и цивилизация исламская. В какой-то степени можно говорить еще о японской. Таким образом, сегодня у БРИКС — большинство в межцивилизационном диалоге.

Если говорить о перспективах, то надо обсуждать проблемы институционализации, расширения и направления следующих шагов. Я считаю, что интересы бюрократии, завязанные на институциональных интересах, всегда обеспечивают конкретные действия. Когда под какую-то идею или организацию не подведена бюрократия, то такая идея или организация, как правило, умирают. Об этом говорит весь мировой опыт. Поэтому я являюсь сторонником аккуратной бюрократизации БРИКС. В этом случае мы обозначаем институциональный интерес, и тогда появляются люди, которые будут работать, чтобы вместе с БРИКС составить дружную корпорацию, лоббирующую свои интересы, в том числе финансовые. На мой взгляд, это компонент пути развития любой институциональной структуры.

Существуют разные точки зрения на проблемы расширения БРИКС, но, я думаю, консенсус в российском академическом и политическом сообществе заключается в том, что сейчас время для расширения не пришло. Во всяком случае остро этот вопрос не стоит. Вместе с тем очевидно, что большое количество государств уже стремится к членству в БРИКС. И это проблема. Как разрешить противоречие? Полагаю, для этого надо обратиться к идее многополярного мира и идеи статуса партнера по диалогу для тех стран, которые были бы заинтересованы в работе БРИКС. Ведь и на заседания «Большой восьмерки» тоже приглашаются не входящие в нее страны, в том числе и члены БРИКС. Почему бы на заседания БРИКС не приглашать руководителей стран, которые заинтересованы в диалоге? Создание такого института, на мой взгляд, могло бы стать полезным. Причем в подобном диалоге могли бы участвовать и заинтересованные страны старой Европы, которым тоже не безразличны многие вопросы, обсуждаемые в этом формате.

О сотрудничестве. Сейчас очень важное направление — возможность расчетов, взаимной торговли, кредитования собственными валютами, возможность включения валют стран-членов в национальные валютные резервы, создание банка развития. Пока не используется формат встреч руководителей органов — регуляторов финансовых рынков, а они существенно влияют на взаимные инвестиции. Мы по-прежнему думаем

об иностранных инвестициях как западных инвестициях, но и страны БРИКС, и вообще страны Азиатско-Тихоокеанского региона, как показал последний саммит АТЭС, могут являться очень важным источником иностранных инвестиций. Здесь надо думать об упрощении взаимных инвестиционных процедур.

Со своей стороны я бы мог предложить для начала создание парламентского клуба БРИКС, где ежегодно собирались бы парламентарии пяти стран. Может быть, следует приурочить такой сбор к саммиту. А в дальнейшем можно создать парламентскую ассамблею БРИКС, которая работала бы на более-менее постоянной основе, учитывая, что в каждом из национальных парламентов есть группы связи с индивидуальными странами.

Мне кажется интересным предложение о диалоге традиционных церквей, о диалоге разного рода конфессиональных организаций. Хотя мы понимаем, что ситуация в различных странах на этих направлениях не самая простая. Конечно, представители церквей России и Бразилии быстрее найдут темы для диалога, чем с конфессиональными организациями Китая. Но сама форма диалога может быть достаточно продуктивной.

Хотел бы в заключение сказать, что любая из пяти стран — членов БРИКС вполне может обойтись без этого формата. Но вместе наши страны намного сильнее. Именно поэтому БРИКС, что называется, обречен быть в числе национальных приоритетов всех пяти государств.

НИКОНОВ **Вячеслав** **Алексеевич,**
председатель правления фонда «Русский мир»,
декан факультета государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова,
первый заместитель председателя Комитета
Государственной Думы по международным делам,
главный редактор журнала «Стратегия России»